

Беспалова К. А. Между дипломатией и интригами : неформальные аспекты франко-русских отношений в 1870—1880-х годах / К. А. Беспалова, В. С. Ившин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 381—401. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-381-401.

Bespalova, K. A., Ivshin, V. S. (2023). Between Diplomacy and Intrigue: Informal Aspects of Franco-Russian Relations in 1870s—1880s. *Nauchnyi dialog*, 12(4): 381-401. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-381-401. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-381-401

Между дипломатией и интригами: неформальные аспекты франко-русских отношений в 1870—1880-х годах

Беспалова Ксения Андреевна*

orcid.org/0000-0001-8391-8017

кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник,
лаборатория эдиционной археографии,

* *корреспондирующий автор*

ksenia.bespalova@urfu.ru

Ившин Владислав Сергеевич

orcid.org/0000-0002-4693-1922

ассистент кафедры истории России
v.s.ivshin96@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
(проект № 20-78-10014 «От Соглаasia
к Пакту: франко-русские /
франко-советские отношения
в период 1890—1930-х гг.»)

Between Diplomacy and Intrigue: Informal Aspects of Franco-Russian Relations in 1870s—1880s

Ksenia A. Bespalova *

orcid.org/0000-0001-8391-8017

PhD in History, Junior Researcher,
Laboratory of Edition Archaeography,

* *Corresponding author*

ksenia.bespalova@urfu.ru

Vladislav S. Ivshin

orcid.org/0000-0002-4693-1922

Assistant, Department of History of Russia
v.s.ivshin96@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The research is sponsored by a grant
of the Russian Science Foundation,
Grant 20-78-10014 “From Entente to Pact:
French-Russian/French-Soviet relations
during the period of 1890—1930s”

© Беспалова К. А., Ившин В. С., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются неформальные аспекты подготовки франко-русского сближения в 1870—1880-х годах, вылившегося впоследствии в заключенный в 1894 году военный союз между Францией и Россией. Авторы рассматривают процесс становления и укрепления множества неформальных сетей, которые поспособствовали появлению благоприятной основы для заключения союза между странами. Особое внимание в статье уделено специфике деятельности салонов Е. Э. Трубецкой и Жюльет Адам, ставших площадкой для установления личных контактов между персонами, поддерживающими союзничество Франции и России. Авторы останавливаются на подробном анализе сформировавшихся связей между французскими и русскими интеллектуалами, точкой соприкосновения которых стало становление «культурного панславизма». Особо в этой связи выделена активность редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова. Определены те обширные сети и политическое влияние, которые ему удалось установить. Авторы приходят к выводу, что франко-русское сближение в 1870—1880-х годах активно развивалось на волне идеи реваншизма во Франции и популярности панславизма, а также через контакты и инициативы частных лиц, связанных сетью неформальных связей с правительственными кругами обоих государств.

Ключевые слова:

франко-русский союз; берлинское свидание; парижские салоны; Жюльет Адам; Н. К. Гирс; М. Н. Катков; Московские ведомости; Е. Э. Трубецкая.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the informal aspects of the preparation of the Franco-Russian rapprochement in the 1870s–1880s, which later resulted in the military alliance concluded in 1894 between France and Russia. The authors consider the process of formation and strengthening of many informal networks that contributed to the emergence of a favorable basis for concluding an alliance between countries. Particular attention in the article is paid to the specifics of the activities of the salons of E. E. Trubetskoy and J. Adam, which became a platform for establishing personal contacts between persons aimed at the alliance of France and Russia. The authors dwell on a detailed analysis of the formed ties between French and Russian intellectuals, the point of contact of which was the formation of “cultural pan-Slavism”. In this regard, the activity of the editor of “Moskovskie Vedomosti” M. N. Katkov is highlighted and those vast networks and political influence that he managed to establish is identified. The authors come to the conclusion that the Franco-Russian rapprochement in the 1870s—1880s actively developed on the wave of the idea of revanchism in France and the popularity of pan-Slavism, as well as through the contacts and initiatives of individuals connected by a network of informal ties with the government circles of both states.

Key words:

Franco-Russian alliance; Berlin date; Parisian salons; J. Adam; N. K. Gears; M. N. Katkov; Moskovskie Vedomosti; E. E. Trubetskaya.

Между дипломатией и интригами: неформальные аспекты франко-русских отношений в 1870—1880-х годах

© Беспалова К. А., Ившин В. С., 2023

1. Введение = Introduction

Франко-русское сближение, обозначившееся во внешней политике двух государств в начале 1890-х годов, было одним из самых обсуждаемых событий среди современников. Их интерес вызывали как звучавшая в присутствии Александра III «Марсельеза» во время визита французской эскадры в Кронштадт, так и сам факт сближения, казалось бы, абсолютных политических противоположностей: Третьей Французской Республики и монархической Российской империи.

Тематика франко-русского сближения и союза 1894 года нередко привлекала внимание ученых. Ряд исследований по данной теме посвящен истории дипломатических контактов узкого круга государственных служащих [Манфред, 1952; Рыбачёнок, 1993; Kennan, 1981]. С определенной корректировкой этот нарратив используется в современной историографии, см.: [Айрапетов, 2006]. Наряду с ними существует множество работ, посвященных рефлексии франко-русского сближения и союза в общественно-политической мысли последней трети XIX — начала XX веков, подробнее см.: [Иванов, 2023; Медоваров, 2020; Сильванов, 2017]. Их тематика различна, но все они встраивают историю дипломатических контактов в пласт общественно-политических кампаний в российской периодической печати. Такие исследования преимущественно концентрируются вокруг одного или нескольких наиболее влиятельных участников. Однако франко-русское сближение 1870—1880-х годов было результатом множества исторических акторов, объединенных, на первый взгляд, общим направлением, но использовавших различные стратегии их достижения и преследуя совершенно разные цели. Они были включены в сеть всевозможных неформальных связей, включавших широкий круг частных и государственных лиц. Настоящее исследование синтезирует множество неформальных связей, стратегий и целей по франко-русскому сближению 1870—1880-х годов, благодаря которым оказалось возможным заключение франко-русского союза в 1894 году.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Идея сближения возникла на парижской салонной сцене 1870-х годов на волне популярности панславизма в России и Франции, а также реваншистских настроений французского общества. Именно эта разрозненная идейная площадка создала возможность для выстраивания диалога по сближению России и Франции. В 1870—1880-е годы вокруг парижских салонов формировались обширные социальные сети, в которых организаторы и участники салонов через личные связи лоббировали высокопоставленных политиков. Один из популярных парижских салонов принадлежал панславянской активистке Е. Э. Трубецкой (1832—1907). Тонкая мастерица политических игр и интриг, по мнению советского исследователя А. З. Манфреда, создала политический салон, сыгравший значительную роль в вопросах международной политики. Ее салону принадлежала важная роль: в нем можно было получить (не каждому, а только допущенным) наиболее верную и точную информацию по вопросам международной и внутренней политики Франции [Манфред, 1952, с. 93—94]. На волне французских реваншистских настроений и «Циркулярной ноты» министра иностранных дел России А. М. Горчакова Трубецкая пыталась убедить правительство Французской Республики в необходимости дружеских отношений с Россией, которые в перспективе могли бы защитить обе стороны от немецкой агрессии [Hillis, 2017].

Период наивысшей политической активности ее салона пришелся на президентство А. Тьера (1797—1877), с которым Трубецкая установила личные контакты, убедив его в возможности франко-русского сближения для защиты от потенциальной немецкой агрессии [Radziwill]. О характере и близости их контактов остается только догадываться, но по приезду в Париж в 1872 году А. Тьер встречал Трубецкую лично и по всем правилам делового этикета. Помимо Тьера, Трубецкая поддерживала связи с А. М. Горчаковым, выполняя его различные дипломатические поручения, а также выступая посредником между Горчаковым и Тьером. Накануне «берлинского свидания» 1872 года Тьер писал Трубецкой, что был бы счастлив дать возможность русскому канцлеру видеть Францию сильной, умиротворенной и наслаждающейся покоем. Конечным адресатом письма, как указывал А. З. Манфред, был Горчаков, поддержавший идею сильной Франции ответным письмом [Манфред, 1952, с. 93—96]. Однако в 1870-е годы, после создания Германской империи, Горчаков переориентировал внешнюю политику России в русло «Союза трех императоров».

Нужно отметить, что в общеевропейской системе международных отношений в конце 1870-х — начале 1880-х годов произошел ряд существенных изменений, связанных с разрешением «восточного кризиса» в 1875—1878 годах. Берлинский конгресс значительно подорвал международное

российское влияние на Балканском полуострове, показав, что в случае дальнейших конфликтов Петербург будет не способен защитить политические интересы славянских стран полуострова, см.: [Лошаков, 2016]. Однако российский внешнеполитический курс 1870-х годов — «Союз трех императоров» — был сохранен и продлен в 1881 году на три года в связи с вступлением на престол Александра III. Министерство иностранных дел, возглавляемое с марта 1882 года Н. К. Гирсом, поддерживало прогерманскую ориентацию российской дипломатии. Его ближайший советник, а в будущем преемник на посту министра иностранных дел В. Н. Ламздорф, подводя внешнеполитические итоги царствования Александра III в «Обзоре внешней политики за время царствования Александра III», указывал, что переговоры о сохранении «Союза трех императоров» начались еще в 1879 году [ГА РФ, ф. 568, оп. 1, д. 54, л. 4об]. Их начало он связывал с опасениями России из-за недавно созданного Двойственного союза Германии и Австро-Венгрии, к которым могли бы примкнуть англичане. Таким образом, согласно Ламздорфу, целью переговоров было «ограждение России от коалиции, во главе которой стала бы, наверное, Англия» [Там же, л. 4 об]. Такую же тревогу российского МИДа вызывало вмешательство англичан в «восточный вопрос», в котором «английские интриги» были «средством ослабить Россию, втянуть ее в разные распри или даже вооруженную борьбу» [Там же, л. 6]. Внутри «Союза трех императоров» также были сильны противоречия России с Австро-Венгрией по Балканскому полуострову. Внешняя политика последней, со слов Ламздорфа, вызывала «весьма вызывающий экспансионный характер», доказывая «полную несовместимость интересов» на Балканах, что «делало для России дальнейшее участие в союзе с нею [Австро-Венгрией] крайне затруднительным» [Там же, л. 3]. Несмотря на имеющиеся противоречия внутри «Союза трех императоров», прогерманский курс российского МИДа сохранялся в 1880-е годы.

«Восточный кризис» также имел существенные последствия для идей панславизма. В 1870-е годы популярной была «воинствующая» риторика в решении славянского вопроса — эта риторика отлично уживалась с французским антигерманизмом салона Трубецкой. После Берлинского конгресса «воинствующая» риторика сменилась стратегией «культурного панславизма» — укрепления культурных связей между славянскими народами мирным путем. Примечательно в этом ключе, что с 1883 года на регулярной (хотя ограниченной) основе начали издаваться «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» под редакцией славянофила Н. Н. Страхова, ставившие своей целью познакомить отечественных и зарубежных читателей с историей и современной жизнью славянских народов [Славянское обозрение, 1883].

«Культурный панславизм» начала 1880-х годов стал универсальной платформой для выстраивания диалогов по франко-русскому сближению на уровне неформальных связей между российскими и французскими интеллектуалами. Площадкой для создания этих связей вновь выступали парижские салоны, которые к этому времени обзавелись широкой сетью неформальных контактов в России и Франции. К 1880-м годам одним из ведущих салонов на политической сцене Франции стал салон во главе с Жюльет Адам (1836—1936). Благодаря влиянию мужа, префекта парижской полиции и сенатора Э. Адама (1816—1877), ее салон быстро стал площадкой для французских политических и интеллектуальных элит, в который входили: А. Тьер, сенатор Э. де Марсер, Ш. де Фрейсине и многие другие. Покровительство Э. Адама обеспечивало приватность и свободу разговоров, что сделало салон идеальным местом для создания и укрепления неформальных союзов [D'Agostini, 2012]. К 1880-м годам политического веса салону Ж. Адам добавило участие в нем республиканского политика Л. Гамбетты (1838—1882), ставшего в 1881—1882 годах премьер-министром и министром иностранных дел Франции. Благодаря ему салон Ж. Адам получил репутацию главного политического салона Парижа [Hillis, 2017; Sowerwine, 2006]. Республиканская и антимонархическая ориентация салона, ставшего *locus communis* для его участников, к концу 1870-х годов дополнилась антигерманской и реваншистской риторикой, а также идеей франко-русского сближения. Последнему способствовали примкнувшие к салону российские подданные: бывшая российская фрейлина Ю. Д. Глинка, корреспондентка «Московских ведомостей» в Лондоне О. А. Новикова, физиолог и также корреспондент «Московских ведомостей» И. Ф. Цион и др. [Hillis, 2017].

3. Результаты и обсуждение = Result and Discussion

Главным инструментом лоббирования и продвижения идей франко-русского сближения для Ж. Адам была французская пресса. С 1879 года она выпускала ежемесячный журнал «*La Nouvelle Revue*», посвященный критике Бисмарка, французскому реваншизму и идее союза с Россией против Германии [Hillis, 2017]. Популяризации журнала способствовало знакомство Ж. Адам с влиятельным французским редактором Э. де Жирарденом [D'Agostini, 2012]. Кроме того, в 1879—1881 годах в круг салона Ж. Адам входил близкий к ее идеям глава парижской префектуры и главный редактор популярных ежедневных парижских газет «*Le Petit Parisien*» Л. Андрне. Находясь во главе парижской префектуры, он также систематически докладывал и выдавал аналогичным российским структурам имена укрывавшихся в Париже русских революционеров, пытаясь подтвердить свою благонадежность перед российским правительством [Hillis, 2017].

3.1. На пути к союзу

При содействии «русской партии» салона (к ней принадлежали Ю. Д. Глинка, О. А. Новикова и И. Ф. Цион) в начале 1882 года хозяйка салона прибыла в качестве эмиссара республиканцев в Российскую империю, где встретила с главным редактором «Московских ведомостей» и «Русского вестника» М. Н. Катковым, обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым, давним приверженцем славянофильства «белым генералом» М. Д. Скобелевым и другими панславистами [Манфред, 1952, с. 393; Hillis, 2017]. В феврале 1882 года Адам пригласила Скобелева в Париж, чтобы он выступил перед группой сербских студентов с речью о франко-русском сближении. Впоследствии Скобелев в своей речи разразился резкой критикой Германии, объявив ее главным врагом всего славянства, призывав к немедленному созданию франко-русского союза [Лукоянов, 2018, с. 232—233; Белый генерал, 1991, с. 236—238]. Помимо этого, в феврале 1882 года он также обсуждал франко-русское сближение с недавно оставившим кресло премьер-министра Л. Гамбеттой [Белый генерал, 1991, с. 230—231]. Обстоятельства и содержание их встречи остаются дискуссионной темой в историографии. Так, современный исследователь И. В. Лукоянов считает Скобелева «одним из инструментов» в руках министра внутренних дел Российской империи в 1881—1882 годах Н. П. Игнатьева [Лукоянов, 2018, с. 232], исходя из выводов Н. Н. Кнорринга, что Скобелев был «скорее пассивным лицом, нежели активным политиком» [Белый генерал, 1991, с. 239]. Можно предположить, что влияние на Скобелева также оказала Ж. Адам, прибывшая в Россию именно как официальный представитель (эмиссар) Французской Республики. «Белый генерал» вполне мог воспринять ее приглашение как официальную линию Республики на союз с Россией. Эта линия на союз действительно была, исходя из восстановленной Н. Н. Кноррингом беседы между Гамбеттой и Скобелевым [Там же, с. 236—238]. Впрочем, оба на тот момент были в статусе частных лиц. Характер и юридический статус приглашения Скобелева со стороны Адам остается неизвестным. Ее мемуары воспроизводят лишь обстоятельства их встречи и содержание беседы со Скобелевым [Адам, 1886, с. 27—38].

Генеральский «демарш», попавший на первые полосы французской прессы и шедший вразрез с прогерманской российской внешней политикой, вызвал международный скандал, потребовавший прямого вмешательства Александра III и Вильгельма I в его деэскалацию [Лукоянов, 2018, с. 233]. Впрочем, политическому салону Ж. Адам удалось наладить тесные контакты с единомышленниками по франко-русскому сближению. После ее знакомства с кругом Каткова-Победоносцева, к которому тесно примыкали И. Ф. Цион и О. Новикова, перепечатанные статьи за авторством

Каткова и Циона из «Московских ведомостей» стали появляться на страницах журнала салона «La Nouvelle Revue» [Манфред, 1952, с. 393]. При содействии «русской партии» в салоне Ж. Адам в начале 1880-х годов была запущена целая кампания публикации провокационных депеш от имени вымышленного русского дипломата Павла Васильева, содержавших «реваншистскую программу Адам и резкую критику Бисмарка» [Hillis, 2017].

Наиболее тесные связи к 1880-м годам установились между салоном Ж. Адам и российским физиологом И. Ф. Ционом, длительное время находившимся в Париже [Шевелев, 1993]. Благодаря участию в салоне Цион имел обширные связи с французской прессой. В сентябре 1881 года он получил контроль над французской монархической ежедневной газетой «Le Gaulois», а с 1886 года — над главным печатным органом салона — «La Nouvelle Revue», где тематика франко-русского сближения «стала едва ли не центральной темой» [Данилова, 2004, с. 111; Hillis, 2017]. Идеальная близость играла не последнюю роль, но главной причиной для передачи журнала Циону были его обширные связи, при посредничестве Каткова, с российскими интеллектуальными элитами. И. В. Лукоянов датирует возникновение связи между Катковым и Ционом концом 1870-х годов на почве его сотрудничества с катковскими журналами [Лукоянов, 2018, с. 240]. В действительности Катков знал Циона как минимум с конца 1874 года, когда в Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга из-за преподавательской деятельности Циона начались студенческие беспорядки. Циона спасло от официального обвинения лишь заступничество Каткова в «Московских ведомостях» [Kennan, 1986, р. 458—459]. Характер их отношений по-прежнему остается неясным. Исследователи изображают их связь не то дружбой, не то патрон-клиентскими отношениями, где Циону отводилась лишь роль исполнителя воли «громовержца» [Лукоянов, 2018, с. 239—240; Котов, 2022, с. 231—234]. Так или иначе, их внешнеполитические и общественно-политические взгляды, базировавшиеся в общих чертах на панславизме, оказались близки друг другу к 1880-м годам.

3.2. Ведущий игрок — М. Н. Катков и его политическое влияние

Не менее дискуссионной проблемой является идентификация взглядов Каткова. Исследователь А. Э. Котов называет его представителем «идеологии бюрократического национализма» — доктрины исключительного участия государства во внешней и внутренней политике, основанного не на религиозной и этнической почве в духе славянофильства, а на «выдаваемом чиновниками документе о подданстве», см.: [Котов, 2016]. Национализм занимал ключевое место во взглядах Каткова, что отразилось в его восхищении французским национализмом, неизменным вне зависимости от формы правления [Котов, 2022, с. 228—229]. Часть исследова-

телей относят «громовержца» к лагерю «имперского славянофильства» («имперского панславизма») или характеризуют его взгляды, как близкие славянофильству [Павленко, 2016, с. 10—14; Мамонов, 2018, с. 170—172]. Последнее подтверждается сотрудничеством Каткова с одним из главных идеологов этого течения — Н. Я. Данилевским, см.: [Перевалова, 2020]. Впрочем, идеологическая близость между М. Н. Катковым и Ционом играла не первую роль. На протяжении всей карьеры Катков был тесно связан с правящей бюрократией (К. П. Победоносцевым, Д. А. Толстым и др.), а в 1860—1880-х годах на регулярной основе имел возможность личной аудиенции российских монархов, формально находясь вне правительственных структур [Мамонов, 2018, с. 173]¹.

Подробные детали связей и включенность «громовержца» в дела правительственной российской элиты раскрываются в современных исследованиях. Катков был активнейшим участником борьбы внутриправительственных группировок, а к 1880-м годам его политическое влияние и связи с ведущими правительственными кругами достигли своего максимума [Кругликова, 2018; Мамонов, 2018, с. 175]. Таким образом, к началу активной деятельности салона Ж. Адам по франко-русскому сближению в начале 1880-х годов Катков предстал перед ними одной из влиятельнейших фигур Российской империи с постоянными связями с высокопоставленными чиновниками, к тому же близкой к панславистской платформе салона.

Исследователи прослеживают начало влияния М. Н. Каткова на российскую внешнюю политику только с началом царствования Александра III, когда «громовержец» обсуждал «восточный вопрос» со Скобелевым, а уже после его демарша в Париже «[Катков] Скобелеву открыто симпатизировал и идею сближения с Францией, похоже, усвоил» [Лукоянов, 2018, с. 232—233; Котов, 2022, с. 224—225]. Впрочем, попытки участвовать в российской внешней политике предпринимались Катковым и ранее. Как доказывает Е. В. Перевалова, Катков в 1860-е годы сотрудничал в «Московских ведомостях» с дипломатом К. Г. Катакази (1826—1890), служившим помощником А. М. Горчакова. Катакази регулярно отправлял Каткову «эксклюзивные материалы», написанные «под контролем Горчакова...» [Перевалова, 2022а, с. 111]. Горчаков также различными способами покровительствовал Каткову, стремясь превратить «Московские ведомости» в официальный орган российского МИДа [Там же, с. 111—113]. Их взгляды разошлись по вопросам российской внешней политики в 1860-х годах из-за отказа Каткова публиковать статьи Катакази и Горчакова в поддержку союза России и Пруссии и из-за того, что он считал необходимым

1 С 1869 года Катков все же состоял на государственной службе, как основатель Московского Императорского лицея (в 1875—1887 годах был директором этого же лицея).

улучшить отношения с Францией на фоне ее конфронтации с Пруссией в конце 1860-х годов [Там же, с. 112—113]. Переписка между Катакази и Горчаковым прервалась в 1869 году из-за назначения Катакази послом в США (в 1869—1872 годах Катакази был чрезвычайным посланником и полномочным министром Российской империи в США). Напомним, что в 1872 году именно Горчаков через посредничество парижского салона Трубецкой попытался заверить президента Республики А. Тьера в поддержке России и ее нежелании способствовать агрессии Германии против Франции. Иными словами, Катков еще в 1860-е годы пытался противостоять официальной линии российской внешней политики.

Последующие попытки Каткова повлиять на российскую внешнюю политику связаны с разрешением «болгарского кризиса» 1885 года, ставшего поводом для его конфликта с российским МИДом (Н. К. Гирсом и В. Н. Ламздорфом), см.: [Лукоянов, 2018, с. 234; Лошаков, 2016, с. 117]. После этого конфликта с июля 1886 года Катков начал энергичную кампанию за франко-русское сближение и союз на страницах своих журналов [Котов, 2022, с. 228—231; Лошаков, 2016, с. 93—94]. В этом ключе обращает на себя внимание письмо Катакази Каткову от 27 октября 1882 года. Катакази, находясь в начале 1880-х годов в Париже как частное лицо, предложил Каткову возобновить свое сотрудничество в «Московских ведомостях» по вопросам внешней политики, аргументируя, что он «...глубоко убежден, что республиканская форма правления во Франции в высшей степени вредна и опасна как для внешних, так и для внутренних интересов России», а Франция дает убежище многим российским «нигилистам». Катакази изложил в письме критические суждения относительно действий российского МИДа, отводившего России, по его мнению, «незавидную роль международного скопца» [ГА РФ, ф. 1718, оп. 1, д. 5, л. 1—2]. Катков предложение Катакази о сотрудничестве проигнорировал [Перевалова, 2022а, с. 144]. Но пассаж Катакази, в котором упоминалась именно Франция и присутствовала критика российского МИДа, наводит на мысль, что он еще осенью 1882 года либо знал, либо догадывался о планах Каткова поддержать кампанию за франко-русское сближение и союз. На это ему могли указать встреча Каткова с Ж. Адам в начале 1882 года, а также многочисленные французские публикации «демарша» Скобелева и слухи о его связях с Катковым.

Начало кампании по франко-русскому сближению вкупе с сотрудничеством Каткова и Циона пришлось на середину 1880-х годов. Исследователь Ф. Хиллис связывает ее активизацию с благоприятной политической обстановкой, сложившейся во Франции: послом России во Франции был назначен бывший однокашник Каткова и сторонник франко-русского сближения А. Моренгейм [Hillis, 2017]. Исследователь проигнорировал характер их

отношений и в целом почему-то не усомнился в их существовании. Исходя из содержания писем Циона Каткову, где нередко упоминался «презираемый» и «ненавидимый» во французских кругах Моренгейм, становится понятно, что Цион и Катков не имели выхода на посла, сетуя «громовержцу»: «...если бы я [Цион] [мог] дать какие-нибудь связи с Моренгеймом, то мог бы многое еще сдвигать в том же направлении [франко-русского сближения] ...» [ОР РГБ, ф. 120, кн. 39, № 23, л. 31об; № 25, л. 28об]. Иными словами, Моренгейм хотя и был сторонником франко-русского сближения и союза, но находился вне связей с Ционом и Катковым, действуя по линии российского МИДа. Ф. Хиллис не ошибается в другом — что в 1886 году французский МИД возглавил Э. Флуранс (1841—1920), близкий салону Жюльет Адам и Циону, в дальнейшем сыгравший определенную роль в организации франко-русского сближения [Hillis, 2017].

Так или иначе, но к 1886 году Цион активно действовал по франко-русскому сближению во Франции, а Катков с января 1886 года начал регулярно критиковать, по его мнению, «пассивную» внешнюю политику российского МИДа на Балканах. Уже к лету 1886 года его критика обрушилась на союз России и Германии в целом [Лукоянов, 2018, с. 234—235]. Осенью 1886 года Катков попытался напрямую включить в орбиту своего влияния Александра III. Император и российский МИД к тому времени допускали возможное обострение отношений, но не прямую конфронтацию с Австро-Венгрией по Балканскому вопросу [Лошаков, 2016, с. 93—94; Лукоянов, 2018, с. 233—234]. Зная эту позицию императора, М. Н. Катков с октября 1886 года действовал за спиной российского МИДа, предлагал монарху свой вариант решения «болгарского кризиса» через государственный переворот пророссийских болгарских офицеров. Император предложил Каткову обсудить этот вопрос с военным министром П. С. Ванновским, но монарха отговорили представители российского МИДа, опасавшиеся конфронтации с Германией [Лошаков, 2016, с. 117]. Катков воспринял это одним из проявлений их «пассивной политики». Со слов Ламздорфа: «Катков ужасно сердит на министра [Гирса] за то, что тот ничего не сделал для бежавших болгарских офицеров...» [Ламздорф, 1926, с. 10].

В конце года Катков вновь подал записку Александру III, перейдя от обсуждения «болгарского вопроса» к взаимоотношениям Германии и России при Н. К. Гирсе, он заявил об отсутствии необходимости союза России с Францией, но призвал монарха к улучшению отношений с Францией [М. Н. Катков ..., 1933, с. 71]. Эта позиция против «покамест совершенно невозможного» союза фигурировала в переписке Циона с Катковым летом 1886 года наряду с идеей по установлению дружеских отношений России с Францией [ОР РГБ, ф. 120, кн. 39, № 23, л. 28]. Катков, впрочем, подчерки-

вал монарху преимущества такого сближения, называя общим врагом России и Франции Англию [М. Н. Катков ..., 1933, с. 73—74]. Идеи, изложенные в записке, поддержал министр внутренних дел Д. А. Толстой [Там же, с. 74—75].

Взаимоотношения Толстого и Каткова в 1880-е годы остаются неясными. Считалось, что их пути окончательно разошлись на фоне разногласий относительно реформы университетского устава в 1870-е годы [Мамонов, 2018, с. 175]. Впрочем, за публичным дистанцированием, как отмечает Е. В. Перевалова, их сотрудничество продолжалось и было взаимонеобходимым в 1880-е годы, см.: [Перевалова, 2022б]. Хотя Е. В. Перевалова не приводит указанный выше и известный в историографии факт открытой поддержки Каткова Толстым, все же он дополняет ее выводы об их сотрудничестве в 1880-е годы.

Давление со стороны Каткова и Толстого оказало действие на монарха. Уже в начале января 1887 года Александр III начал высказываться против Тройственного союза и «даже против союза с Германией», утверждая, что «возможным и единственным союзником для России в настоящий момент была бы Турция» [Ламздорф, 1926, с. 34—35]. Тогда же послу Франции в России А. Лабулэ, по утверждению Ламздорфа, император «высказывал прямые намеки на свои симпатии к Франции и на поддержку, которую она, в случае надобности, найдет в нем против Германии» [Там же, с. 41]. В эти же даты Гирсу была направлена депеша Моренгейма, сообщавшая, что в личной беседе Э. Флуранс спрашивал о возможности российской моральной поддержки Франции в случае агрессии против нее Германией. Ламздорф ошибочно подозревал, что просьба Флуранса была «измышлениями» Моренгейма, поддерживающего «сношения» с Катковым, а «новичок Флуранс, вероятно, поддался влиянию нашего посла» [Там же, с. 43, 45]. Как доказано выше, никаких «сношений» между Катковым и Моренгеймом не было. Ламздорф был близок к истине, предполагая, что Флуранс прощупывал почву «после новогодних поощрений Лабулэ со стороны самого государя [Александра III]» [Там же, с. 45]. Однако он ошибся в одном: поводом были не только донесения Лабулэ, а то, что сам Флуранс был вхож в салон Ж. Адам. К тому же 8 января 1887 года, за два дня до депеши Моренгейма, Катков направил очередную записку Александру III, заявляя, что «единственно выгодный активный союз для нас может быть только с Францией» [М. Н. Катков ..., 1933, с. 78]. Более того, в начале января посол в Берлине П. А. Шувалов обсуждал новый договор с Германией, подготовленный на фоне периода «военной тревоги» между Францией и Германией [Лошаков, 2016, с. 94—95]. Нет сомнений, что информация, попавшая Каткову от его агентурной сети, шла на опережение происходящих событий или в унисон им. Это вызывало особое раздражение в россий-

ском МИДе. Ламздорф, делая вырезки из статей Каткова в «Московских ведомостях», был поражен упоминаемыми фактами и задавался вопросом: «Откуда?» — подразумевая вызывающую изумление осведомленность редактора в дипломатических тайнах [ГА РФ, ф. 568, оп. 1, д. 54, л. 1—3об]. В деталях Ламздорф докладывал о них и обсуждал эти статьи Каткова с Гирсом [ГА РФ, ф. 568, оп. 1, д. 54, л. 9—10об]. В январе 1887 года между Катковым и российским МИДом началась борьба за влияние на императора по вопросам российской внешней политики, где последний выступал в роли верховного арбитра. Ламздорф делает запись в дневнике, в которой отмечает «двойную игру самодержца»: «Министр <...> замечает в характере государя черту двуличности: с одной стороны, он удостаивает г. Гирса своего рода личной дружбой <...> и наедине выражает ему полное одобрение; с другой стороны, он опасается общественного мнения, мало благоприятного для моего дорогого начальника, и не осмеливается ни жаловать ему обычные отличия <...> ни открыто поддерживать против его врагов» [Ламздорф, 1934, с. 59—60].

Итак, хронологические совпадения между просьбой Флуранса и запиской Каткова отнюдь не были случайны, а являлись частью одной общей кампании по франко-русскому сближению, за которым стояли сеть салона Ж. Адам и Циона во Франции, а в России — Катков. Их попытки в начале января 1887 года имели успех, Александр III в ответ на депешу Моренгейма заявил о готовности оказать «моральную поддержку» Франции в случае агрессии Германии [Ламздорф, 1926, с. 45].¹

Главные действия этого конфликта пришлись на март 1887 года. Катков, публично призывая к союзу с Францией, раскрыл детали тайного соглашения о взаимных гарантиях по Тройственному союзу 1881 года, что вызвало гнев императора. Благодаря заступничеству Е. М. Феоктистова и К. П. Победоносцева император лишь наказал Каткову примириться с Гирсом в личной беседе, которая в итоге так и не состоялась [Там же, с. 232—233]. Уже в конце марта 1887 года Катков подал новую записку императору, отчитываясь, что Гирс не идет с ним на контакт [М. Н. Катков ..., 1933, с. 79]. Под этим предлогом, вновь критикуя российский МИД, он сделал акцент на существующем «распространенном мнении, что Россия имеет две политики, идущие порознь, одну царскую, другую министерскую...» [Там же,

1 Наряду с вышеперечисленным, Катков на рубеже 1886–1887 годов был замешан в отправке во Францию своего корреспондента — генерала Е. В. Богдановича, который вел переговоры по сближению с французскими политиками (президентом республики Ж. Гриви и французским военным министром, идеологом реваншизма Ж. Буланже). Действия генерала вызвали внутрисоветский скандал, косвенно указывавший на причастность Каткова к действиям Богдановича, но обвинений против него выдвинуто не было [Котов, 2022, с. 231—233].

с. 80]. Выбранная им коммуникативная стратегия должны была подчеркнуть «существующую» в России всеобщую поддержку решений императора по франко-русскому сближению: «Всем стало известно, что ваше величество не имеет намерения возобновлять так называемый трехимператорский договор» [Там же, с. 82]. О всенародной поддержке персоны российского монарха во Франции через несколько месяцев, в мае 1887 года, сообщал Каткову Цион, заверяя во «всеобщей признательности» и популярности российского государя и призывая к скорейшему союзу [ОР РГБ, ф. 120, кн. 39, № 51, л. 65—65об]. Однако в заключении записки Катков вновь обратился к опубликованным им в «Московских ведомостях» деталям о тайном соглашении 1881 года, приведя новые факты и адресуя вопросы об этом соглашении лично императору [М. Н. Катков ..., 1933, с. 84]. Александр III, не ожидавший осведомленности от Каткова в дипломатических тайнах, передал его записку на рассмотрение лично Гирсу. Черновой вариант выписок из катковской записки для Гирса подготовил Ламздорф, вновь риторически вопрошавший напротив каждого приведенного Катковым факта. Особенно недоумение и удивление Ламздорфа вызвал абзац о необнародованном протоколе между Горчаковым и Андраши, заставивший Ламздорфа в очередной раз задаваться вопросом: «Откуда он это знает?» [ГА РФ, ф. 568, оп. 1, д. 54, л. 29об]. Ответ Александру III, подготовленный Ламздорфом от лица Гирса, был крайне сдержан и заключал, что министр принял к сведению содержание документа [М. Н. Катков ..., 1933, с. 85].

Впрочем, уже в мае-июне 1887 года против Каткова была начата ответная интрига по линии российского МИДа. Отвергнутый Катковым Катакази подделал от его лица письмо, заверявшее французскую прессу, что внешнею политику России определяет Катков, а не российский МИД и император. Содержание и последствия этой подделки подробно исследованы И. В. Лукояновым [Лукоянов, 2018, с. 238—239]. Отметим лишь, что расследование обстоятельств появления подделки вел все тот же Цион, указавший в письме Каткову на авторство Катакази. Последний к этому времени занимал пост советника посольства в Париже под протекцией Моренгейма. Цион, впрочем, ничего не писал о причинах появления подделки, указывая лишь на связь Катакази с немецким послом в Париже Мюнстером и его участие в подделке [ОР РГБ, ф. 120, кн. 40, № 7, л. 10—11]. Иными словами, Цион пытался представить все происками немецкой дипломатии против франко-русского сближения [Лукоянов, 2018, с. 239]. Вполне возможно, что за подделкой Катакази мог стоять Моренгейм, также выступавший за франко-русское сближение через установление во Франции власти «твердой руки» (роялистов), которые могли бы поставить во главе государства того, «с кем бы можно было говорить, имея в виду союз» [Ламздорф, 1926,

с. 71]. Моренгейм и Катакази по меньшей мере содействовали возвышению Ж. Ферри и популярности Ж. Буланже [Там же, с. 71, 75, 100—101].

Моренгейм также был замешан в продолжении этой интриги. В июне 1887 года он направил Александру III депешу «с сообщением, что президента Греви уверяли от имени публициста, что назначение Флокэ главой правительства вместо отставленного Ш. Фрейсинэ будет “хорошо принято в России”» [Лукоянов, 2018, с. 239]. Как утверждалось в депеше, это было передано Греви через Циона. Последний, в свою очередь, поспешил заявить Каткову о своей полной непричастности («не видел все время ни Фрейсину, ни Флокэ, никого другого», не желая «сделать из Флокэ врага России») [ОР РГБ, ф. 120, кн. 39, № 22, л. 26—26об]. Как доказал И. В. Лукоянов, контакты между Ционом и Флокэ были [Лукоянов, 2018, с. 240—241]. Цион, впрочем, косвенно указывал на причастность самого Моренгейма: «...официальные представители то и делали, что на каждом шагу оскорбляли здесь национальные чувства» [ОР РГБ, ф. 120, кн. 39, № 22, л. 26об—27]. Уже после смерти Каткова Цион отмечал, что за интригой стоял «молодой» А. Н. Гирс (сын Н. К. Гирса), также служивший при русском посольстве в Париже [Лукоянов, 2018, с. 238]. Однозначно известно, что обе интриги убедили Александра III в ненадежности Каткова, даже несмотря на заступничество его «правительственной партии». На фоне развернувшихся интриг восстановили свое влияние на Александра III Гирс и Ламздорф, пролоббировав в июне 1887 года тайный «договор перестраховки» между Россией и Германией [Ламздорф, 1926, с. 161]. Катков же вскоре после серии интриг и окончательной потери влияния на Александра III скоропостижно скончался (1 августа 1887 года).

Уже после смерти Каткова, как известно, линия на франко-русское сближение, начатая им, восторжествует. Цели и стратегии, использовавшиеся другими участниками франко-русского сближения 1870—1880-х годов, вполне очевидны. Парижский круг Ж. Адам действовал через манипуляции французским (европейским) общественно-политическим мнением в пользу реваншизма под формальной эгидой панславизма. Их действия зачастую приводили к «симфонии» печати и политики, они подчиняли своему влиянию видных французских политических деятелей. Моренгейм, сотрудник российского МИДа, вел внутриведомственные интриги, используя идею франко-русского сближения и разворачивавшийся на его глазах конфликт Каткова с российским МИДом (Н. К. Гирсом и Ламздорфом) как средство для продвижения по карьерной лестнице. На фоне вполне очевидных целей и стратегий, описанных выше, по-прежнему остаются неясными цели и стратегии, которые использовал Катков. В советской историографии его участие во франко-русском сближении объяснялось личной

финансовой заинтересованностью, проявлявшейся в «интересах <...> новой промышленной буржуазии» [М. Н. Катков ..., 1933, с. 59]¹. В современной историографии Каткова реабилитировали, все чаще указывают на идейную сторону его участия во франко-русском сближении, представляют его не то франкофилом, не то главным адептом патриотических идей «национальной политики», опиравшейся на широкое общественное мнение [Котов, 2022, с. 224—232; Лукоянов, 2018, с. 242]. Эту идеальную картину размывают слова Ламздорфа о Каткове: «преисполненный тщеславием и опьяненный влиянием, которое ему предоставлено» [Ламздорф, 1926, с. 51]. Иными словами, за внешней оболочкой слов о необходимости «национальной внешней политики» вполне могли скрываться решительные попытки Каткова усилить свое влияние в российских правительственных кругах. Упоминаемые франкофильство и слова о «национальной политике» в таком виде предстают лишь одним из средств Каткова к проведению серии российских внутриправительственных интриг, целью которых в 1880-е годы стал недавно назначенный на пост министра иностранных дел Н. К. Гирс². Катков попытался задействовать всю полноту доступного ему влияния и воспользоваться доверием Александра III. Император сам способствовал этой борьбе, маневрируя между различными правительственными группировками, выступая своего рода верховным арбитром. Впрочем, плоды этой борьбы, окутанной пафосом слов о франко-русском сближении, пожинались уже на рубеже 1886/1887 годов. После продолжительной критики министр финансов Н. Х. Бунге был заменен И. А. Вышнеградским, близким к кругу Каткова и Победоносцева. Постепенно под давлением ответных интриг со стороны Моренгейма и Катакази Катков утратил доверие государя, оказавшись заложником своего положения. Правда, и организаторы интриг против Каткова не приобрели влияния на государя и его доверия.

4. Заключение = Conclusions

Итак, франко-русское сближение 1870—1880-х годов активно развивалось через контакты и инициативы частных лиц, связанных сетью неформальных связей с правительственными кругами обоих государств. Зародившаяся на парижской салонной сцене идея франко-русского сбли-

- 1 В современной историографии И. В. Лукоянов убедительно доказал, что финансы были частью самостоятельных предприятий Циона, а не Каткова, подробнее см.: [Лукоянов, 2018, с. 240—242].
- 2 Исследователь А. Э. Котов отмечает, что в 1887 году в группировке Каткова-Победоносцева обсуждалась идея вернуть министерский портфель бывшему министру внутренних дел Н. П. Игнатьеву, предполагая, что речь могла идти о портфеле министра иностранных дел, подробнее см.: [Котов, 2022, с. 233—234].

жения на волне идеи реваншизма во Франции и популярности панславизма (в какой-то степени олицетворявшего идеи антигерманизма в России) способствовала выработке, на первый взгляд, общей программы действий по организации франко-русского сближения и союза. Однако каждый участник сближения преследовал собственные цели и использовал согласно своим интересам определенные стратегии их достижения. Удивляет, что ни один из них (за исключением, наверное, Маннергейма) уже не имел того же влияния в 1890-е годы, когда франко-русский союз принял законченный вид, но уже predetermined инициативами по линии министерств иностранных дел, исходивших из контекста существовавшей дипломатической обстановки.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Адам Ж. Генерал Скобелев. Воспоминания госпожи Адам (Жульеты Ламбер) / Ж. Адам. — Санкт-Петербург : тип. В. С. Балашева, 1886. — 55 с.
2. ГА РФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 1718 (Катков Михаил Никифорович). Оп. 1. Д. 5 (Письма К. Г. Катакази Каткову 27 октября 1882 г.) ; Ф. 568 (Ламздорф Владимир Николаевич). Оп. 1. Д. 53 (Ламздорф, В. Н. Обзор внешней политики России за время царствования Александра III (черновик)) ; Ф. 568. Оп. 1. Д. 54 (Ламздорф, В. Н. Газетные статьи и выписки из записок Каткова с критикой внешней политики России с замечаниями Александра III, Гирса и Ламздорфа).
3. *Действия* Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества и других подобных обществ русских и иноземных // Славянское обозрение. — 1883. — № 1. — С. 1—2.
4. *Ламздорф В. Н.* Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890) / В. Н. Ламздорф ; под ред. Ф. А. Ротштейна. — Москва : Гос. Изд-во., 1926. — 407 с.
5. *Ламздорф В. Н.* Дневник В. Н. Ламздорфа (1891—1892) / В. Н. Ламздорф ; под ред. Ф. А. Ротштейна. — Москва : АCADEMIA, 1934. — 430 с.
6. *М. Н. Катков* и Александр III в 1886—1887 гг. // Красный архив. — 1933. — Т. 3 (58). — С. 58—86.
7. ОР РГБ — *Отдел* рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 120 (Катков Михаил Никифорович). Кн. 40. № 7 (Письмо Циона Каткову от 18/30 июня 1887 г.) ; Ф. 120. Кн. 39. № 22, 23, 25, 51.

Литература

1. *Айрапетов О. Р.* Внешняя политика Российской империи : 1801—1914 / О. Р. Айрапетов. — Москва : Европа, 2006. — 668 с. — ISBN 5-9739-0064-9.
2. *Белый генерал* / предисл. В. В. Дробышева. — Москва : Патриот, 1991. — 539 с. — ISBN 5-7030-0534-5.

3. Данилова О. С. У истоков французской славистики — между полонофильством и русофильством — альтернатива XIX в / О. С. Данилова // Славянский альманах 2003. — Москва : Индрик, 2004. — С. 104—120. — ISBN 5-85759-257-7.

4. Иванов И. А. Союз России с Францией в оценке русских правых начала XX века / И. А. Иванов // Вестник МПГУ. Серия: Исторические науки. — 2023. — С. 27—43.

5. Котов А. Э. «Птенцы гнезда Каткова» в конце 1880-х гг. : националисты в империи / А. Э. Котова // Русский сборник : исследования по истории России: 300 лет Российской империи. — Москва : Колеров, 2022. — С. 224—245.

6. Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова : Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860—1890-х годов / А. Э. Котов. — Москва : Владимир Даль, 2016. — 487 с. — ISBN 978-5-93615-176-7.

7. Кругликова О. Газета М. Н. Каткова «Московские ведомости» (1863—1887 годы) : к вопросу об истоках и характере политического влияния / О. Кругликова // Тетради по консерватизму. — 2018. — № 3. — С. 71—88. — DOI: 10.24030/24092517-2018-0-3-71-88.

8. Лошако А. Ю. Граф В. Н. Ламздорф — государственный деятель и дипломат : дис. канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Ю. Лошако. — Москва, 2016. — 323 л.

9. Лукоянов И. В. М. Н. Катков и внешняя политика Российской империи в царствование Александра III (1880-е годы) / И. В. Лукоянов // Тетради по консерватизму. — 2018. — № 3. — С. 232—244. — DOI: 10.24030/24092517-2018-0-3-232-244.

10. Мамонов А. В. Бюрократия и Катков / А. В. Мамонов // Российская история. — 2018. — № 5. — С. 170—176. — DOI: 10.31857/S086956870001570-5.

11. Манфред А. З. Внешняя политика Франции 1871—1891 годов / А. З. Манфред ; Академия наук СССР, Институт истории. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. — 591 с.

12. Медоваров М. В. Геополитические концепции русских консерваторов 1890-х годов / М. В. Медоваров // Тетради по консерватизму. — 2020. — № 3. — С. 85—98. — DOI: 10.24030/24092517-2020-03-8598.

13. Павленко О. В. Панславизм и его модели / О. В. Павленко // Новая и новейшая история. — 2016. — № 5. — С. 3—15.

14. Первалова Е. В. Дипломат Константин Катакази — корреспондент газеты «Московские ведомости» (по материалам ОР РГБ) / Е. В. Первалова // Румянцевские чтения — 2022 : материалы Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Москва (19—21 апреля 2022). — Москва : Пашков дом, 2022а. — Т. 2. — С. 109—115.

15. Первалова Е. В. Министр и журналист: взаимоотношения Д. А. Толстого и М. Н. Каткова / Е. В. Первалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022б. — № 76. — С. 339—342. — DOI: 10.17223/19986645/76/15.

16. Первалова Е. В. Участие Н. Я. Данилевского в изданиях М. Н. Каткова в 1880-х годах / Е. В. Первалова // Тетради по консерватизму. — 2020. — № 3. — С. 135—148. — DOI: 10.24030/24092517-2020-0-3-135-148.

17. Рыбачёнок И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века / И. С. Рыбачёнок. — Москва : АН СССР, 1993. — 351 с. — ISBN 5-201-00676-0.

18. Сильянов М. В. Российско-французское сближение конца XIX века в зеркале общественного мнения: историографические оценки / М. В. Сильянов // Вестник КГУ. — 2017. — Т. 23, № 4. — С. 41—45.

19. Шевелев А. С. Две жизни Ильи Циона / А. С. Шевелев // Природа. — 1993. — № 9. — С. 108—111.

20. D'Agostini A. L'agency de Juliette Adam (1836—1936) des lieux, des rôles et des combats pour agir en politique / A. D'Agostini // Rives Méditerranéennes. — 2012. — № 41. — P. 101—115.

21. Hillis F. The “Franco-Russian Marseillaise”: International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France / F. Hillis // *The Journal of Modern History*. — 2017. — № 89. — P. 39—78. — Access mode: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/690124#> (accessed 15.04.2023).

22. Kennan G. F. The curious monsieur Cyon / G. F. Kennan // *The American Scholar*. — 1986. — Vol. 55, № 4. — P. 449—475.

23. Kennan G. F. The decline of Bismarck's European order : Franco-Russian relations 1875—1890 / G. F. Kennan. — Princeton : Princeton University Press, 1981. — 451 p.

24. Radziwill C. Behind the veil at the Russian court / C. Radziwill. — London, New York, Toronto and Melbourne : Cassell and Company, 1913. — Assess mode: <https://www.gutenberg.org/files/61886/61886-h/61886-h.htm> (accessed 13.04.2023).

25. Sowerwine Ch. La politique, «cet élément dans lequel j'aurais voulu vivre»: l'exclusion des femmes est-elle inhérente au républicanisme de la Troisième République? / Ch. Sowerwine // *Clio. Histoire, femmes et sociétés*. — 2006 (2). — № 24. — P. 171—194.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023,
одобрена после рецензирования 26.04.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.

Material resources

Actions of the St. Petersburg Slavic Charitable Society and other similar societies of Russian and foreign. (1883). *Slavic Review*, 1: 1—2. (In Russ.).

Adam, J. (1886). *General Skobelev. Memoirs of Mrs. Adam (Juliette Lamber)*. St. Petersburg: Printing house V. S. Balasheva. 55 p. (In Russ.).

GA RF — State Archive of the Russian Federation (Katkov Mikhail Nikiforovich). (Letters to K. G. Katakazi Katkov October 27, 1882). (Lamzdorf Vladimir Nikolaevich). (In Russ.).

Lamzdorf, V. N. (1926). *Diary of V. N. Lamzdorf (1886—1890)*. Moscow: State publishing house. 407 p. (In Russ.).

Lamzdorf, V. N. (1934). *Diary of V. N. Lamzdorf (1891—1892)*. Moscow: ACADEMIA. 430 p. (In Russ.).

M. N. Katkov and Aleksandr III in 1886—1887. (1933). *Krasnyy Archive*, 3 (58): 58—86. (In Russ.).

OR RGB — *Department of Manuscripts of the Russian State Library. (Katkov Mikhail Nikiforovich)*. (In Russ.).

References

D'Agostini, A. (2012). L'agency de Juliette Adam (1836—1936) des lieux, des rôles et des combats pour agir en politique. *Rives Méditerranéennes*, 41: 101—115.

Ayrapetov, O. R. (2006). *Foreign policy of the Russian Empire: 1801—1914*. Moscow: Evropa. 668 p. ISBN 5-9739-0064-9. (In Russ.).

Danilova, O. S. (2004). At the origins of French Slavic studies — between Polonophilism and Russophilism — an alternative to the 19th century. In: *Slavonic Almanac 2003*. Moscow: Indrik. 104—120. ISBN 5-85759-257-7. (In Russ.).

Drobysheva, V. V. (ed.). (1991). *White General*. Moscow: Patriot. 539 p. ISBN 5-7030-0534-5. (In Russ.).

Hillis, F. (2017). The “Franco-Russian Marseillaise”: International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France. *The Journal of Modern History*, 89:

- 39—78. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/690124#> (accessed 15.04.2023)
- Ivanov, I. A. (2023). Union of Russia with France in the assessment of the Russian right beginnings of the twentieth century. In: *MCU journal of historical studies*. 27—43. (In Russ.).
- Kennan, G. F. (1981). *The decline of Bismarck's European order: Franco-Russian relations 1875—1890*. Princeton: Princeton University Press. 451 p.
- Kennan, G. F. (1986). The curious monsieur Cyon. *The American Scholar*. 55 (4): 449—475.
- Kotov, A. E. (2016). "The Tsar's Way" by Mikhail Katkov: *The Ideology of Bureaucratic Nationalism in the Political Journalism of the 1860s—1890s*. Moscow: Vladimir Dal. 487 p. ISBN 978-5-93615-176-7. (In Russ.).
- Kotov, A. E. (2022). "Chicks of Katkov's Nest" in the late 1880s.: nationalists in the empire. In: *Russian collection: research on the history of Russia: 300 years of the Russian Empire*. Moscow: Kolerov. 224—245. (In Russ.).
- Kruglikova, O. (2018). M. N. Katkov's newspaper "Moskovskye vedomosti" (1863—1887)—the origins and the gist of political influence. *Essays on conservatism*, 3: 71—88. DOI: 10.24030/24092517-2018-0-3-71-88. (In Russ.).
- Loshako, A. Yu. (2016). *Count V. N. Lamzdorf — statesman and diplomat: PhD Diss*. Moscow. 323 p. (In Russ.).
- Lukoyanov, I. V. (2018). M. N. Katkov and Russian empire foreign policy in the reign of Alexander III (1880-ies). *Essays on conservatism*, 3: 232—244. DOI: 10.24030/24092517-2018-0-3-232-244. (In Russ.).
- Mamonov, A. V. (2018). Bureaucracy and Katkov. *Russian history*, 5: 170—176. DOI: 10.31857/S086956870001570-5. (In Russ.).
- Manfred, A. Z. (1952). *French Foreign Policy 1871—1891*. Moscow: Publishing house Acad. sciences of the USSR. 591 p. (In Russ.).
- Medovarov, M. V. (2020). Geopolitical concepts of Russian conservatives in the 1890s (Based on the publications of "Russkoe obozrenie" journal and its opponents). *Essays on conservatism*, 3: 85—98. DOI: 10.24030/24092517-2020-03-8598. (In Russ.).
- Pavlenko, O. V. (2016). Pan-Slavism and its models. *New and recent history*, 5: 3—15. (In Russ.).
- Perevalova, E. V. (2020). N. Ya. Danilevsky's participation in M. N. Katkov's periodicals in 1880s. *Tetradi po konservatizmu*, 3: 135—148. DOI: 10.24030/24092517-2020-0-3-135-148. (In Russ.).
- Perevalova, E. V. (2022a). Diplomat Konstantin Katakazi — correspondent of the newspaper "Moskovskie Vedomosti" (based on the materials of the OR RSL). In: *Rumyantsev Readings — 2022: materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow (April 19—21, 2022)*. Moscow: Pashkov dom. 2: 109—115. (In Russ.).
- Perevalova, E. V. (2022b). A minister and a journalist: The relationship between Dmitry Tolstoy and Mikhail Katkov. *Tomsk State university journal of philology*. 76: 339—342. DOI 10.17223/19986645/76/15. (In Russ.).
- Radziwill, C. (1913). *Behind the veil at the Russian court*. London, New York, Toronto and Melbourne: Cassell and Company. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/61886/61886-h/61886-h.htm> (accessed 13.04.2023).
- Rybachenok, I. S. (1993). *Union with France in Russia's foreign policy at the end of the 20th century*. Moscow: USSR Academy of Sciences. 351 p. ISBN 5-201-00676-0. (In Russ.).

- Silyanov, M. V. (2017). Russian-French harmonisation of the late 19th century in the light of public opinion: historiographical evaluations. *Vestnik of Kostroma state university*, 23 (4): 41—45. (In Russ.).
- Shevelev, A. S. (1993). Two Lives of Elijah Zion. *Nature*, 9: 108—111. (In Russ.).
- Sowerwine, Ch. (2006). La politique, «cet élément dans lequel j'aurais voulu vivre»: l'exclusion des femmes est-elle inhérente au républicanisme de la Troisième République? *Clio: Histoire, femmes et sociétés*, 24: 171—194.

*The article was submitted 14.03.2023;
approved after reviewing 26.04.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*